

**РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ О МОСКОВСКО-КРЫМСКО-КАЗАНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА***

А.В. Аксанов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Цель: проанализировать летописные и дипломатические сведения о присоединении Казанского ханства к московско-крымскому союзу в 1487 г., о совместных действиях трех государств против Большой Орды в 1491–1492 гг. и о московско-крымско-казанских мирных переговорах 1537–1542 годов и с помощью текстологических данных определить степень достоверности этих сообщений.

Материалы исследования: особое внимание уделяется расхождениям в источниках, которые зачастую не учитывались в историографии. В официальном летописании поход 1487 г. знаменует подчинение Казани. Тогда как дипломатические памятники представляют поход московских войск 1487 г. как военную помощь Ивана III хану Мухаммад-Амину в борьбе за казанский престол, оказанную по ходатайству крымского хана Менгли-Гирея. Согласно официальным летописям, в 1491 г. казанский хан выступил против Большой Орды на стороне Крыма именно по приказу московского государя, что указывает на зависимость Казани от Москвы. А в Новгородской летописи поход 1491 г. представляется как акт помощи Ивана III царевичу Сатылгану и хану Мухаммад-Амину в борьбе с Большой Ордой. Сведения дипломатических документов согласуются с позицией Новгородской летописи.

Результаты и научная новизна: следовательно, можно допустить, что Мухаммад-Амин участвовал в войне против Большой Орды, поскольку находился в союзнических отношениях с Москвой и Крымом. Дипломатические документы подтверждают точку зрения официальных летописцев относительно посреднической роли крымского хана в московско-казанских переговорах 1537–1542 годов. При этом они демонстрируют совершенно иной тон отношений между Москвой, Крымом и Казанью. Если летописи говорят о «просьбе» Сахиб-Гирея «быть в дружбе и братстве любовном», то дипломатические акты указывают на обоюдно ультимативный характер переговоров: крымский хан грозился идти войной против Руси, а москвичи напоминали об уязвимости Казани перед лицом русского оружия. Боярская дума требовала от казанского хана признать верховенство великого князя, а крымско-казанская сторона призывала к равноправным отношениям. Вероятно, данное противоречие было основной причиной провала мирных переговоров.

Ключевые слова: Московское государство, Крымское ханство, Казанское ханство, Большая Орда, летописи, посольские книги.

Для цитирования: Аксанов А.В. Русские летописи и дипломатические документы о московско-крымско-казанских отношениях в конце XV – первой половине XVI века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 790–802. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.790-802

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-31-01246).

В последней трети XV века на постордынском пространстве сложился военно-политический союз между Москвой и Крымом, к которому с 1487 г. присоединилась Казань. В XVI веке наследники Ивана III, Менгли-Гирея и Мухаммад-Амина не сумели сохранить дружественные отношения, хотя на рубеже 1530-х – 1540-х гг., после продолжительного противостояния, стороны вели активные переговоры о восстановлении московско-крымско-казанского альянса. При этом исследователям весьма сложно прийти к однозначной оценке процесса складывания и распада союза трех государств, так как эти события противоречиво представлены в русских летописях и дипломатических документах.

Особенно остро стоит вопрос о положении Казанского ханства в этой системе отношений. В целом, в историографии доминирует мнение, сложившееся на основе известий официального летописания, согласно которому, Казань с 1487 г., попав в зависимость от Москвы, вынуждена была участвовать в русско-крымской коалиции. Причем дискуссионным остается вопрос о степени зависимости Мухаммад-Амина от Ивана III: одни историки утверждают, что Казань вошла лишь во внешнеполитический фарватер московской политики [9, с. 71; 5, с. 43], другие говорят об установлении московского протектората [32, с. 47–51; 6, с. 205; 7, с. 197; 10, с. 76].

И в этом нет ничего удивительного, поскольку даже в официальном летописании существуют некоторые расхождения при освещении событий 1487 года. Основная часть книжников исходит из того, что Казанское ханство, будучи частью великокняжеских владений, в ходе мятежа отошло от Москвы, а затем, в результате похода русских воевод, вернулось в лоно власти Ивана III. Согласно другим официальным летописцам, в 1487 г. состоялось «казанское взятие», вследствие которого Иван III завладел Казанью [1].

При этом исследователи не уделили должного внимания сведениям, сохранившимся в дипломатических документах. Еще накануне похода на Казань, 4 марта 1487 г., в грамоте к крымскому хану Менгли-Гирею Иван III писал: «А что еси писал въ своей грамоте о своем сыне о Магмети Амине царе, и мы как наперед сего добра его смотрили, так и ныне аж даст Бог хотим добра его смотрити, как нам Бог поможет» [30, с. 59].

После похода из Москвы в Крым отправилось посольство, сообщавшее о действиях против Большой Орды и «посаждении» Мухаммад-Амина на казанский престол. Отдельное послание было адресовано царице Нур-Салтан, после смерти казанского хана Ибрагима вышедшей замуж за Менгли-Гирея. Великий князь велел донести до Нур-Салтан свою позицию в следующих словах: «Твой сын Магмед-Аминь царь к нам приехал; и мы, надеясь на Бога, посылали есми на своего недруга Алягама царя своих воевод. Милосердный пакъ Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли нашего недруга царя Алягама поймав и с его братьею и с его матерью и с его царицами и со князми к нам привели; а твоего сына Магмед-Аминя царя на Казань есми посадили» [30, с. 59].

С.Х. Алишев заметил, что Иван III писал Менгли-Гирею и Нур-Салтан, «склоняя их к более близкому сотрудничеству против Польши и ахматовых детей» [5, с. 42]. Вместе с тем, первая грамота указывает на то, что великий князь действовал по просьбе крымской четы, а второе послание представляет из себя «отчет» об успешном выполнении «дружеской просьбы». Таким об-

разом, дипломатические памятники представляют казанский поход как акт военной помощи, направленный на укрепление союзнических отношений.

Дипломатическая трактовка не согласуется ни с картиной умирения мятежников, ни, тем более, с концепцией покорения царства («Казанского взятия»). Исследователи представили события 1487 г., не обратив внимания на то, что источники несут разное видение ситуации [32, с. 47–49; 6, с. 203; 1, с. 41–42; 11, с. 141–142].

Для понимания источников необходимо учитывать, что важным фактором московско-крымско-казанских отношений являлась борьба за «ордынское наследство». После смерти хана Ахмада, помимо его наследников, на роль верховного хана претендовали крымский хан Менгли-Гирей и шибанский хан Ибрагим. Русский государь, умело использовавший противоречия между различными татарскими правителями для расширения своего влияния, ориентировался на Крым, который подобно Москве был заинтересован в борьбе с Польско-Литовским государством и с Большой Ордой. А казанский хан Ильхам, вероятнее всего, поддерживал шибанского хана Ибрагима [4].

Вместе с тем, у крымского хана после женитьбы на вдове казанского хана, Нур-Султан, появилась возможность упрочить свои позиции в Среднем Поволжье. Менгли-Гирей ходатайствовал о московской военной помощи для своего пасынка Мухаммад-Амина, боровшегося за казанский престол со сводным братом Ильхамом. В сложившейся обстановке, в 1482 г. Иван III при поддержке Менгли-Гирея развернул борьбу против Ильхама. В результате длительной войны в 1487 г. Ильхам был пленен, и ханство присоединилось к русско-крымскому альянсу.

В 1491 г. была предпринята попытка организовать совместное военное выступление московско-крымско-казанских сил против Большой Орды. И вновь нужно обратить внимание на расхождения в источниках.

Обстоятельный рассказ о походе против Большой Орды содержится в Московском летописном своде конца XV в., Сокращенном летописном своде 1493 г., своде 1497 г., своде 1518 г., Типографской, Софийской второй, Воскресенской, Никоновской и Львовской летописях. Суть данного известия сводится к следующему.

Войска Большой Орды напали на Крымское ханство. Иван III «на помощь Крымскому царю Менли Гирею отпустил воевод своих в поле ко Орде... да с ними многих детей боярьских двора своего, да Мердоулатова сына царевича Сатылгана... послал вместе же с своими воеводами». Великий князь «Казанскому царю Махмет Аминю велелъ послати воевод своих с силою вместе же со царевичем и с великого князя воеводами». По словам книжника, «и снисдошася вместе великого князя воеводы съ царевичемъ Сатылганом, и с Казанского царя воеводами со Абашъ Уланом и съ Бубрашъ Сеитом в поле, и княж Борисовъ Васильевича воевода... Слышав же цари Ординьские силу многу великого князя в поле к ним приближающуся, и убоявшеся, возвратившеся от Перекопи, сила же великого же князя возвратися во свояси без брани» [21, с. 332; 22, с. 290; 23, с. 155, 321; 14, стб. 330; 19, с. 188; 20, с. 208; 15, с. 223; 16, с. 224; 18, с. 356].

Итак, перед нами крымско-ордынская война, в которой главную роль сыграло Московское государство, принявшее сторону Крымского ханства. Заступничество Ивана III не допустило кровопролития – войска возвратились «без брани». Летописец акцентирует внимание на том, что Иван III «велелъ

Мухаммад-Амину «послать воеводъ своих», то есть подчеркивает подчиненное положение Казани. Из сообщения следует, что казанские и служилые татары, так же как и москвичи, есть «сила... великого... князя». В данном рассказе казанский хан приравнивается к служилым царевичам и к московским воеводам, а значит, к вассалам Ивана III.

Иную картину событий можно увидеть в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского. По данным этого источника, Иван III «отпустил... на Поле подо Орду царева сына Мердоулатова Салтыгана, да с ним послал воевод своих». Тут же говорится, что «ис Казани царь Ахметенин послал же на Поле своих воевод да и казаков» [26, с. 210]. Указанное известие существенно отличается от предыдущего.

В первом случае Иван III «отпустил... в поле ко Орде» «воевод своих», а «Мердоулатова сына царевича Сатылгана... послал вместе же с своими воеводами». В Новгородской летописи, наоборот, великий князь «отпустил» царевича Сатылгана, а вместе «с ним послал воевод своих». При этом необходимо уточнить, что новгородский летописец не рассказывает о помощи Ивана III крымскому хану и ничего не сообщает о результатах похода. Как видно из отрывка, книжник не использовал повелительных глаголов по отношению к казанскому хану.

Следует сказать, что известие Новгородской летописи, несмотря на внешнее сходство с предыдущим сообщением, написано в другом смысловом контексте. Летописец поставил на первое место, в отличие от своих предшественников, не московских воевод, а царевича Сатылгана; воеводы Ивана III рассматриваются здесь только как вспомогательные силы. Необходимо обратить внимание на то, что казанский хан без приказа свыше – по своей инициативе – послал войска в Орду. Таким образом, поход 1491 г. представляется летописцем как очередная война между представителями «царского рода» – ханами династии Чингизидов. Причем, так как нет информации о крымском хане, поход московских воевод можно мотивировать желанием оказать помощь царевичу Сатылгану и хану Мухаммад-Амину, то есть войска Ивана III характеризуются книжником как союзники служилых татар и казанцев.

Сведения, в целом согласующиеся с позицией Новгородской летописи, находим в переписке Менгли-Гирея с Мухаммад-Амином. В грамоте, датированной 10 марта 1490 г., крымский хан просил казанского оказать военную помощь в борьбе с Большой Ордой. 19 января 1491 г. Мухаммад-Амин ответил, что, невзирая на угрозу нападения сибирских и ногайских правителей, он отправил «в Поле» всех своих всадников, однако они не встретили крымских союзников и вернулись восвояси [8, с. 275–277; 27, с. 50–51].

Датировка грамот расходитя с летописной хронологией, поэтому либо в источнике закралась ошибка, либо в дипломатических документах речь идет о походе, произошедшем раньше. Как бы там ни было, грамоты подтверждают представления новгородского книжника о самостоятельных действиях казанского хана.

О том, что после 1487 г. Казанское ханство стало именно союзником Москвы, а не подчиненным государством, свидетельствуют более поздние казанско-литовские и крымско-русские дипломатические документы. Так, согласно посланию Сафа-Гирея королю Сигизмунду I, «Казань была зашла за московского», при том, что завоевание и подчинение здесь характеризуется как «взятие». Например, в этой же грамоте хан сообщал о подчинении им

Вятской земли следующим образом: «И землю есми его взял» [13, с. 33]. Поэтому, исходя из контекста, «Казань была зашла за московского» означало, что ханство лишь присоединилось к союзу с Московским государством.

В другой переписке крымский хан Сахиб-Гирей, опровергая представление московских дипломатов о подчинении Казани Иваном III, утверждал, что «ино тем ли он (Иван III – А.А.) его (Мухаммад-Амина – А.А.) на царство посадил, что помочь свою ему дал» [29]. То есть в 1487 г. московский государь не подчинил Казань, посадив на престол своего человека, а всего-навсего помог одному из претендентов в борьбе за ханское место. Следовательно, можно допустить, что Мухаммад-Амин находился в союзнических отношениях с Москвой и Крымом, а потому участвовал в войне против Большой Орды.

В дальнейшем шибанские и ногайские правители, пытаясь вывести Казанский юрт из московско-крымского блока, осуществили походы на Казань в 1496, 1499 и 1500 годах. На этой почве между Москвой и Казанью неоднократно возникали военно-политические конфликты. После разгрома Большой Орды в 1502 г. и победы над Литвой в 1503 г. стали охлаждаться московско-крымские отношения. Ухудшение московско-казанских отношений было вызвано и усилением позиций великокняжеской власти в Великой Перми, где незадолго до конфликта с Мухаммад-Амином Иван III ввел наместническое правление [25, с. 99].

В конце концов, летом 1505 г. началось очередное военное противостояние. Практически все источники говорят о неудачных действиях русских войск в решающем походе 1506 года. Мирные переговоры продолжались до 1512 г., но Василий III так и не добился права назначения ханов в Казани. После смерти Мухаммад-Амина, казанцы возвели на ханское место великокняжеского ставленника Шах-Али. Однако правительство Василия III, пользуясь этим, попыталось расширить власть над восточным соседом, что, вероятнее всего, явилось одной из важнейших причин непопулярности режима Шах-Али и разрыва мирных отношений в 1521 году. Установления власти крымской династии в Казани привело к открытой военно-политической конфронтации, продолжавшейся с незначительными перерывами вплоть до завоевания Казанского ханства.

На рубеже 1530-х – 1540-х гг. стороны пытались прийти к компромиссу и, возможно, даже восстановить союзнические отношения. И вновь при описании переговоров источники расходятся в оценках. Согласно официальным летописям, в ноябре 1537 г. в Москву прибыла мирная делегация от крымского хана Сахиб-Гирея, предложившего Ивану IV быть «в дружбе и братстве», как хан Менгли-Гирей был с Василием III, «а князь бы велики помирися нас для с Сафа Киреем царевичем, что он на Казани» [17, с. 121; 18, с. 445; 24, с. 31]. Это известие указывает на одну из причин московско-казанской войны: официальные летописцы назвали Сафа-Гирея «царевичем», а не «царем» – обладателем ханского престола, то есть русское правительство отказывалось признавать Сафа-Гирея казанским ханом.

В декабре 1537 г. из Крыма прибыл ханский посланник мурза Будалый, сообщивший, что Сахиб-Гирей хочет быть с Иваном IV «в крепкой дружбе и в братстве», также как Менгли-Гирей был с Иваном III и Василием III, чтобы быть для друга великого князя другом, а для недруга – недругом, и на всех недругов «быти заедин». Московское правительство приняло это предложение и отправило в Крым сына боярского Григория Савина с грамотой, в кото-

рой Иван IV соглашался быть «в дружбе и в братстве любовном» [17, с. 121; 18, с. 445; 24, с. 31].

Исходя из контекста официальных сообщений, можно предположить, что великий князь и крымский хан решили не только заключить мир, но и установить союзнические отношения, подобные тем, которые существовали между Иваном III и Менгли-Гиреем. Дабы сохранить дружбу, Сахиб-Гирей просил государя не посылать войска к Казани и заключить мир с Сафа-Гиреем. Боярская дума, ради установления союзнических отношений с Крымом, отменила поход на Казань, отпустив туда в феврале 1538 г. вместе с посланником крымского хана «своего человека» Гордея Береицына. В ответ Сафа-Гирей прислал «своего человека Усеина князя с грамотою». По поводу содержания грамоты книжники скупно заметили, что в ней хан просил великого князя о мире [17, с. 122; 18, с. 446; 24, с. 31–32].

В апреле 1538 г. московское правительство отправило в Казань другого «своего человека», Юшку Григорьева, с грамотой, что великий князь «хочет со царем помириться». Иными словами, Иван IV, признавая Сафа-Гирея «царем», желал установить мирные отношения. В мае Сафа-Гирей прислал в Москву для переговоров другого «своего человека» – ключника Кул-Ахмета. В июне в Казань был послан «свой человек» Никита Борисов с грамотой, в которой говорилось, что великий князь «посылает ко царю своего посла Игнатия Иванова сына Яхонтова». Однако московским послам было велено идти только до Нижнего Новгорода и ждать там дальнейших указаний. Так продолжился обмен «своими людьми», не имевшими посольских полномочий. Москвичи и казанцы требовали друг от друга послов до тех пор, пока в конце октября русское правительство не решилось отправить из Нижнего Новгорода в Казань посольство Игнатия Яхонтова [17, с. 122–126; 18, с. 447–449; 24, с. 32–34].

По сообщению официальных книжников, этот шаг не вызвал реакции Сафа-Гирея, поэтому в апреле 1539 г. в Казань от имени Ивана IV была направлена грамота со следующим содержанием: «По многому прошению брата нашего Саип Гирея царя Крымского послал наперед своего посла, а ты к нам не пошлешь своих послов добрых людей». Спустя некоторое время в Москву явилось крымское посольство, сообщившее, что Сахиб-Гирей «правду учинил» – подписал соглашение о союзнических отношениях. Но с Сафа-Гиреем было сложнее договориться: в июле 1539 г. состоялся очередной обмен «своими людьми» и грамотами с некой информацией о больших послах, и только в августе казанский хан известил Кремль о том, что отправляет в Москву «больших послов» во главе с Аппай-уланом. Однако после того как казанцы получили от великого князя грамоты, гарантировавшие безопасность их послов, они не стали отправлять посольство, заявив, что прошел слух о приготвлении москвичей к войне с Казанью [17, с. 127; 18, с. 450–451; 24, с. 35–36].

В конечном счете, мирные переговоры зашли в тупик. Основываясь на вышеприведенных известиях, сложно сделать вывод о причинах провала переговоров, поскольку эти сообщения несут поверхностную информацию, не раскрывая полное содержание дипломатических документов и утаивая суть происшедшего.

Тогда как в дипломатической переписке находим несколько иное описание переговоров. Сахиб-Гирей предостерегал Ивана IV от походов на Казань и требовал не брать дани с ее народа, в противном случае обещая заступиться

за Сафа-Гирея и свой «юрт», устроив набег на Русь. Боярская дума отреагировала отменой похода на Казань. При этом крымскому хану был дан ответ, что к Сафа-Гирею посланы грамоты с предложением мира на условиях зависимости Казани от Москвы. По словам бояр, Казанское ханство принадлежит московским государям, так как еще Иван III «милостью божию Казань взял и царя свел» – подобно тому, как до него ордынские правители захватывали эти земли, становясь их хозяевами. В конце своего обращения к Сахиб-Гирею бояре призвали хана, помня свою «старину», не забывать их «старину» [29].

В ноябре 1538 г. пришла еще одна грамота из Крыма. По словам Сахиб-Гирея, великий князь помог Мухаммад-Амину отнять престол у Ильхама, «ино тем ли он его на царство посадил, что помочь свою ему дал». Далее хан напомнил о том, как Улуг-Мухаммад пленил Василия II и получил возможность захватить княжеские земли, но «он его простил, и горсти крови пощадел, и все то презрел и Москву ему опять отдал». Крымская сторона призывала вспомнить «прошлое добро», прислать «больших послов» в Казань и мир «учинить», в противном случае хан угрожал войной [29].

Дипломатические документы подтверждают точку зрения официальных летописцев относительно роли крымского хана в московско-казанских переговорах. Однако посольский архив демонстрирует совершенно иной тон отношений между Москвой, Крымом и Казанью. Если летописцы говорили о «просьбе» Сахиб-Гирея «быть в дружбе и братстве любовном», то дипломатические акты указывают на обоюдно ультимативный характер переговоров: крымский хан грозился идти войной против Руси, а москвичи напоминали об уязвимости Казани перед лицом русского оружия. Причем, здесь же дается отличное от летописного обоснование законности великокняжеской власти над Казанским ханством. Подчеркивается, что еще Иван III взял этот юрт, подобно тому, как до него его брали ордынские ханы. Другими словами, власть Москвы над Казанью столь же законна, как и власть правивших там потомков Чингизхана. Несомненно, такой ответ был более понятен крымскому хану, чем, например, библейско-летописная концепция, оправдывающая подчинение «городов-грешников» [2].

А.Б. Кузнецов, выставив на передний план письма с угрозами крымского хана, сделал вывод о том, что в 1530-е годы «явственно обозначаются черты мощного антирусского союза» мусульманских государств Восточной Европы, а «Казанское ханство становится одним из центров борьбы против Русского государства». По мнению историка, «в этих условиях русское правительство стремится сделать максимум возможного для обеспечения безопасности страны, используя для этой цели весь доступный ему арсенал средств и методов» [12, с. 77].

А.Б. Кузнецов подтвердил тезис о мощном антирусском союзе лишь заявлениями Сахиб-Гирея, угрожавшего турецким вмешательством в московско-казанские отношения. Однако, как показала дальнейшая история, это был дипломатический блеф – ни Крым, ни, тем более, Османская империя не смогли оказать серьезной помощи Казани. При этом историк проигнорировал сведения, напрямую выражающие цели правительств, участвовавших в конфликте.

Из представленных дипломатических документов можно почерпнуть и информацию об условиях мира, на которых настаивали стороны. Интересы Боярской думы отражены в следующем предложении: «Мы держать его (Сафа-Гирея. – А.А.) будем царем в Казани, как дед и отец наш» [29]. Возможно,

данная формулировка по смыслу соответствует летописной «правде», по которой судьбу казанского престола должен был определять русский государь, а хан обязывался согласовывать свои действия с Москвой [3, с. 21–22].

Значит, русское правительство требовало от Сафа-Гирея править в соответствии с волей великого князя – как во внутренних, так и во внешних делах. К тому же Иван IV, по словам крымского хана, хотел получить от казанцев дань. Такому положению противились Сафа-Гирей и Сахиб-Гирей, призывавшие великого князя к «братству», то есть к равноправным отношениям. Вероятнее всего, данное противоречие было основной причиной провала мирных переговоров.

Весной 1540 г. военные действия возобновились [28, с. 284]. Летописи напрямую не указывают, что Сафа-Гирей действовал по договоренности с Сахиб-Гиреем, так как последний до лета 1541 г. вел переговоры с Москвой, в который раз подтверждая свое намерение быть с великим князем «в сердечней дружбе до своей смерти» [17, с. 136; 18, с. 456; 24, с. 39]. Однако в июле 1541 г. Сахиб-Гирей организовал большой поход на Русь, рассчитывая, что основная часть русских войск находится на казанском направлении. Практически все официальные летописцы писали, что крымский хан, увидев на противоположном берегу р. Оки многочисленное русское войско, благодаря Божьей милости, бежал восвояси [17, с. 138–139; 18, с. 457–458; 24, с. 40–41].

Большее значение этому событию придал автор Воскресенской летописи, который сравнивал набег крымского хана с походом на Русь Тамерлана. По мысли летописца, Господь вступился за православных и вселил страх в душу Сахиб-Гирея, так же как когда-то, спасая Русскую землю, «сотворил» с Тамерланом [15, с. 295–301].

В Разрядной книге находим запись, что летом 1541 г. крупное войско под предводительством князя И.В. Шуйского действительно было направлено во Владимир для «казанского дела» [28, с. 294]. В Воскресенской и Никоновской летописях сохранилось известие, проясняющее суть этого «дела»: в мае 1541 г. в Москву явилось пять знатных казанцев во главе с Чабыкеем от князя Булата. Они просили помощи великокняжеских воевод для осуществления переворота против Сафа-Гирея, так как хан принес казанцам много вреда, передав их ясаки крымцам, разорив «земских людей» и постоянно отправляя казну в Крым [15, с. 295; 17, с. 99–100]. Хотя уже в марте 1542 г. царевна Гоухаршад и тот же князь Булат отправили Боярской думе грамоту, в которой просили Ивана IV примириться с Сафа-Гиреем. В июне Сафа-Гирей послал в Москву «своего человека» с грамотой о мире [17, с. 142–143; 18, с. 460–461; 24, с. 42–43].

Логичное объяснение случившемуся дал Д.А. Котляров, считавший, что недовольные крымской властью казанцы решили свергнуть Сафа-Гирея, пользуясь поддержкой русских. Однако, по словам ученого, опиравшегося на наблюдения И.И. Смирнова, в январе 1542 г. князь И.В. Шуйский при свержении Бельских воспользовался поддержкой войск, стоявших под его командованием во Владимире для «казанского дела» [31, с. 95]. Из-за этого поход на Казань не состоялся, а казанские заговорщики, чутко реагируя на политические события в русской столице, решили отказаться от планов по свержению Сафа-Гирея [11, с. 116–117].

Внутриполитическая борьба в Русском государстве, бесспорно, сказалась и на московско-казанских отношениях. К тому же, вполне вероятно, что ка-

занцы обратились к мирным переговорам, осознавая опасность сложившейся ситуации: после того как москвичи отразили крупный набег крымцев и заключили семилетнее перемирие с Литвой [17, с. 142; 18, с. 460; 24, с. 42], появилась возможность сконцентрировать силы в восточном направлении.

Симптоматично, что и правительство Ивана IV выразило желание примириться с Сафа-Гиреем, отправив к нему в июле 1542 г. «своего человека» Никиту Чютова с грамотой, в которой великий князь просил хана прислать в Москву «больших послов добрых людей» [17, с. 143; 18, с. 462; 24, с. 43]. Возможно, москвичи не собирались продолжать крупномасштабные боевые действия в условиях внутривосточной нестабильности. Однако переговоры не привели к миру, в 1545 г. начался очередной виток московско-крымско-казанского противостояния. Скорее всего, и на этот раз русское правительство было настойчиво в своем требовании установить «правду», что означало политическую зависимость ханства. В свою очередь, и сторонники власти Сафа-Гирея в Казани не поступились принципами «братских» отношений.

Итак, многие сообщения официальных летописей о московско-крымско-казанских контактах не подтверждаются независимыми источниками. Так, официальные летописцы со времен Ивана III начали использовать по отношению к Казани глагол «пожаловал», что означало распространение владетельных прав великого князя на Казанское ханство. Причем в годы правления Василия III и особенно Ивана IV употребление слова «пожаловал» при характеристике межгосударственных отношений получило более широкое распространение. Однако привлечение провинциальных летописей и посольских документов позволяет прояснить, что подобная репрезентация отражает не реальную политическую практику, а, скорее, цели московского правительства в отношениях с восточным соседом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксанов А.В.* Московско-казанская война 1487 года // Тюменский исторический сборник. Вып. X. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 80–84.
2. *Аксанов А.В.* Русские летописцы о московско-казанских отношениях в 1496 году // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 71–75.
3. *Аксанов А.В.* Московско-казанские отношения (1445–1552 гг.): Автореферат дис. ... к.и.н. Тюмень, 2011. 26 с.
4. *Аксанов А.В.* Отношения между Великим княжеством Московским и Тюменским ханством // Тюменский исторический сборник. Выпуск XV. Тюмень, 2013. С. 73–81.
5. *Алишев С.Х.* Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
6. *Базилевич К.В.* Внешняя политика русского централизованного государства во второй половине XV века. М.: Изд-во МГУ, 1950. 543 с.
7. *Бахтин А.Г.* Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. 567 с.
8. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса: В городской типографии С.Х. Алексома, 1863. 1016 с.
9. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XIV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982. 327 с.
10. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI веков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. 132 с.

11. *Котляров Д.А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
12. *Кузнецов А.Б.* Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533–1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8–11 июня 2011 г.). Ч. I. Саранск: Типография «Красный октябрь», 2004. С. 73–78.
13. Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар Авызы = Эхо веков. Казань, 1997. № 1/2. С. 27–34.
14. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 6. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. VIII + 446 стб.
15. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. X + 302 с.
16. ПСРЛ. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 267 с.
17. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
18. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. IV + 704 с.
19. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. VI + V + 242 с.
20. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XII + IV + 272 с.
21. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
22. ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 418 с.
23. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.: Наука, 1963. 411 с.
24. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
25. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
26. ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки русской культуры, 2004. 368 с.
27. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. М.: Институт истории СССР, 1984. 100 с.
28. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1–2. М.: Наука, 1977. 406 с.
29. Российский государственный архив древних актов. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8.
30. Сборник русского исторического общества. Т. 41. СПб.: Типография Ф. Елионского и К^о, 1884. 558 с.
31. *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 516 с.
32. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила 22.09.2016 г.

Принята к публикации 3.11.2016 г.

**RUSSIAN CHRONICLES AND DIPLOMATIC DOCUMENTS
ON THE MOSCOW-CRIMEAN-KAZAN RELATIONS
AT THE END OF THE 15TH – THE FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY**

A.V. Aksanov

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Research objective: The article analyzes chronicles' and diplomatic information about joining of the Kazan Khanate to the Moscow-Crimean alliance in 1487, about the joint actions of these three states against the Great Horde in 1491–1492 and about the Moscow-Crimean-Kazan peace negotiations of 1537–1542.

Research materials: Special attention is given to inconsistencies in the sources that often has not been considered in the historiography. In official chronicles the campaign of 1487 marks the submission of Kazan. Whereas diplomatic documents represent the expedition of the Moscow troops of 1487 as the military aid of Ivan III to the khan Mahomed-Amin in his struggle for the Kazan throne. According to official chronicles, in 1491 the Kazan khan warred against the Horde on the side of the Crimea by the order of the Moscow sovereign. In turn, in the Novgorod chronicle the campaign of 1491 is represented as the act of the help of Ivan III to the sultan Satylgan and khan Mahomed-Amin in their fight against the Great Horde. The data of diplomatic documents are consistent with the estimate of the Novgorod chronicle.

Research results and novelty: Therefore, it can be assumed that Mahomed-Amin participated in the war against the Great Horde as he was in allied relations with Moscow and the Crimea. Diplomatic documents confirm the point of view of official chroniclers of rather intermediary role of the Crimean khan in the Moscow-Kazan negotiations of 1537–1542. Thus, they display a completely different character of the relations between Moscow, the Crimea and Kazan. The Moscow boyars demanded from the Kazan khan to recognize the supremacy of the Moscow sovereign. In turn, the governors of the Crimea and Kazan called for equal relations. Possibly, this contradiction was the main reason for a failure of the peace negotiations.

Keywords: Moscow state, Crimean khanate, Kazan khanate, Great Horde, chronicles, ambassadorial books.

For citation: Aksanov A.V. Russian Chronicles and Diplomatic Documents on the Moscow-Crimean-Kazan Relations at the end of the 15th – the first half of the 16th century. *Golden Horde Review*. 2016, no. 4, pp. 790–802. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.790-802

REFERENCES

1. Aksanov A.V. Moskovsko-kazanskaya voyna 1487 goda [The war between Moscow and Kazan of 1487]. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen historical collection], 2007, is. X, pp. 80–84. (In Russian)
2. Aksanov A.V. Russkie letopistsy o moskovsko-kazanskikh otnosheniyakh v 1496 godu [The Russian chroniclers about the Moscow-Kazan relations in 1496]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tyumen state university*, 2009, no. 7, pp. 71–75. (In Russian)
3. Aksanov A.V. *Moskovsko-kazanskie otnosheniya (1445–1552 gg.)* [Moscow-Kazan relations (1445–1552)]. *Avtoreferat dis. ... k.i.n.* [Abstract of the thesis... k.i.n.], Tyumen, 2011. 26 p. (In Russian)

4. Aksanov A.V. Otnosheniya mezhdru Velikim knyazhestvom Moskovskim i Tyumen-skim khanstvom [Relations between the Grand Duchy of Moscow and Tyumen khanate]. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen historical collection], 2013, is. XV, pp. 73–81. (In Russian)
5. Alishev S.Kh. *Kazan' i Moskva: Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya XV–XVI vv.* [Kazan and Moscow: Interstate relations of the 15th–16th centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 160 p. (In Russian)
6. Bazilevich K.V. *Vneshnyaya politika russkogo tsentralizovannogo gosudarstva vo vtoroy polovine XV veka.* [Foreign policy of the Russian centralized state in the second half of the 15th century]. Moscow, Moscow State University Publ., 1950. 543 p. (In Russian)
7. Bakhtin A.G. *Russkoe gosudarstvo i Kazanskoe khanstvo: Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya v XV–XVI vekakh: Dis. ... d.i.n.* [Russian state and Kazan khanate: The interstate relations in the 15th–16th centuries: Thesis ... d.i.n.]. Moscow, 2001. 567 p. (In Russian)
8. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa society of history and antiquities]. Vol. V. Odessa, Tip. S.H. Aleksoma Publ., 1863. 1016 p. (In Russian)
9. Zimin A.A. *Rossiya na rubezhe XIV–XVI stoletiy: Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russia at the turn of the 14th–16th centuries: Essays of socio-political history]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 327 p. (In Russian)
10. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vekov* [Turkic-Tatar states of the 15th–16th centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2004. 132 p. (In Russian)
11. Kotlyarov D.A. *Moskovskaya Rus' i narody Povolzh'ya v XV–XVI vv.: U istokov natsional'noy politiki Rossii* [Muscovite Rus' and the Peoples of the Volga Region in the 15th–16th centuries: At the Origin of the Russian National Policy]. Izhevsk, Udmurt State Universitet Publ., 2005. 314 p. (In Russian)
12. Kuznetsov A.B. Kazanskiy vopros vo vneshney politike Eleny Glinskoy (1533–1538 gg.) [The Kazan issue in the foreign policy of Elena Glinskaya (1533–1538)]. *Volzhskie zemli v istorii i kul'ture Rossii. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu sozdaniya Rossiyskogo guma-nitarnogo nauchnogo fonda (RGNF)* [The Volga lands in the history and culture of Russia. Materials of the All-Russian scientific conference devoted to decade of creation of the Russian Humanitarian Scientific Fund (RHSF)]. Saransk, 2004, part I, pp. 73–78. (In Russian)
13. Mustafina D. Poslanie tsarya kazanskogo [Message of the Kazan tsar]. *Gasyrlar Avyzy = Ekho vekov – Echo of the Ages*, 1997, no. 1/2. pp. 27–34. (In Russian)
14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] Vol. 6. *Sofiyskaya vtoraya letopis'* [Sofia second chronicle]. Release 2. Moscow, Languages of the Russian culture, 2001. VIII + 446 columns. (In Russian)
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 8. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles. Chronicle continuation according to the Voskresensky copy]. Moscow, Languages of the Russian culture, 2001. X + 302 p. (In Russian)
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 12. *Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Patriarchal or Nikon chronicle]. St. Petersburg, Skorokhodov's Printing house, 1901. 267 p. (In Russian)
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 13. Part 1. *Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Patriarchal or Nikon chronicle]. St. Petersburg, Skorokhodov's Printing house, 1904. 302 p. (In Russian)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 20. *L'vovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Lvov chronicle]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2005. IV + 704 p. (In Russian)
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 23. *Ermolinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Ermolinskaya chronicle]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2004. VI + V + 242 p. (In Russian)

20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tipografskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 24. Typographical chronicle]. Moscow, Languages of the Russian culture, 2000. XII + IV + 272 p. (In Russian)

21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 25. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v* [Complete Collection of Russian Chronicles. Moscow annalistic svod of the end of the 15th century]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk USSR Publ., 1949. 464 p. (In Russian)

22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 27. Nikanorovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 27. Nikanorovskaya chronicle]. *Sokrashchennyye letopisnye svody kontsa XV v*. [The reduced annalistic svod of the end of the 15th century]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk USSR Publ., 1962. 418 p. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 28. Letopisnyy svod 1497 g., Letopisnyy svod 1518 g. (Uvarovskaya letopis')* [Complete Collection of Russian Chronicles. Annalistic svod of 1497, Annalistic svod of 1518 (the Uvarovskaya chronicle)]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 411 p. (In Russian)

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 29. Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Chronicler of the beginning of the reign of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. Aleksandro-Nevskaya chronicle. Lebedevskaya chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 390 p.

25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 37. Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVII vv.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 37. Veliky Ustyug and Vologda chronicles of the 16th–17th centuries]. Leningrad, Science, 1982. 228 p. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 43. Novgorodskaya letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo* [Complete Collection of Russian Chronicles. The Novgorod chronicle according to P.P. Dubrovsky's copy]. Moscow, Languages of the Russian culture, 2004. 368 p. (In Russian)

27. *Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy: 1489–1508 gg.* [The ambassadorial book on communications of Russia with the Nogai Horde: 1489–1508]. Moscow, Akademiya nauk USSR Publ., 1984. 100 p. (In Russian)

28. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Razryadnaya kniga of 1475–1605]. Vol. 1. Part. 1–2. Moscow, Nauka Publ., 1977. 406 p. (In Russian)

29. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian state archive of ancient acts]. Fund 123. *Snosheniya Rossii s Krymom* [Relations of Russia with the Crimea]. Book 8.

30. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* [Compilation of the Russian Historical Society]. Vol. 41. St. Petersburg, Tip. F. Elionskogo i Ko Publ., 1884. 558 p. (In Russian)

31. Smirnov I.I. *Ocherki politicheskoy istorii Russkogo gosudarstva 30–50-kh gg. XVI v.* [Essays of political history of the Russian state of the 1530–50s]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk USSR Publ., 1958. 516 p. (In Russian)

32. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on History of the Kazan Khanate]. Moscow, INSAN Publ., 1991. 320 p. (In Russian)

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: aksanov571@gmail.com

Received September 22, 2015

Accepted for publication November 3, 2016